

Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения

© кандидат филологических наук С.В. Власенко, 2008

*«Благодаря своему характеру языки могут воздействовать
не только на все поколения народов, говорящих на них,
но и на другие языки, с которыми они рано или
поздно приходят в соприкосновение»
Вильгельм фон Гумбольдт*

Глобализация мирового экономического пространства характеризуется рядом последствий, среди которых трансформирование международных и национальных финансово-экономических институтов, коммерциализация образовательных структур, а также растушевывание культурных границ. Границы коммуникативного взаимодействия языков значительно изменились, что вылилось в упрощение схем межкультурной и, следовательно, межъязыковой коммуникации. Кроме того, глобализация финансово-экономического пространства явилась событием, повлекшим за собой новые отношения между языками – главными коммуникантами на этом пространстве. Среди основных игроков на площадке межъязыкового взаимодействия, бесспорно, главенствует английский.

Обращение к вопросу о статусе русского как переводящего языка в межъязыковом взаимодействии связано с появлением новых понятий в теории перевода¹. В целях настоящей статьи полагаем целесообразным использование предложенного российским переводоведом З.Д. Львовской понятия «эквивалентной двуязычной коммуникации», под которым подразумевается собственно межъязыковой перевод [Львовская 2008]. Согласно пониманию переводческого процесса как эквивалентного взаимодействия естественных языков, отношения коммуникативной эквивалентности между исходным текстом и текстом перевода в межъязыковом переводе должны непременно сохраняться, в особенности, в той части, которая касается «коммуникативной приемлемости текста перевода в принимающей культуре» как в целом, так и фрагментарно [Львовская 2008: 157–162]. Принимающей культурой в

¹ Здесь и далее по тексту термины «теория перевода» и «переводоведение» применяются взаимозаменяемо.

случае использования русского в качестве языка перевода² выступает русская.

Межязыковой перевод, осуществляемый в языковой паре английский–русский в условиях массовой «колонизации» переводящего русского языка заимствованными англицизмами, предлагается рассматривать как явление *глобального языкового метаболизма*. Обращаясь в предыдущих работах к вопросам, касающимся природы заимствования англицизмов и их широкого употребления в переводящем русском языке [Власенко 2007а, 2007б, 2008], мы высказывали, в частности, точку зрения, согласно которой англицизмы следует рассматривать в качестве плана выражения *глобального, или транснационального, языкового кода*. Англицизмы, транслитерируемые, наряду с русским, также и в десятки других языков-коммуникантов глобального языкового взаимодействия³, выступают в определенной мере *универсальными означающими*, как то: **смартфон, паркомат, вебсайт, секьюритизация, легитимность, электротат, хакер, спам, медиа, консалтинг** и др.

Сопоставимы с нашими некоторые мнения психолингвистов и когнитивистов, которые полагают, рассуждая о заимствованных русским языком англицизмах, что речь должна идти не столько о чисто языковой стороне номинации, сколько о содержательной, т.е. о «глобализации национальных когнитивных пространств» [Привалова 2005: 298] или импорте концептов [Карасик 2004: 210–214] как объективных процессах современности. Укажем также на мнение Г.В. Быковой о «тенденции к трансноминации» (подробнее см.: [Быкова 2003: 159], а также мнение И.В. Приваловой о «транснационализации различных видов человеческой деятельности», приводящей к созданию единого межнационального фонда новых языковых единиц, в частности, акронимов типа **DVD, Hi-Fi, DOS** и др. [Привалова 2005: 285]. Соглашаясь с данным мнением, мы по-прежнему акцентируем внимание на гибкости русского языка к изменяющимся условиям среды функционирования, что связано с гиперболическим заимствованием языкового глобального кода – английского.

Транслитерированные в кириллицу англицизмы содействуют приобщению принимающего русского языка к глобальному языковому коду. Следовательно, в процессе англо-русского коммуникативного взаимодействия реально усматриваются признаки глобального языково-

² Здесь и далее по тексту, согласно переводоведческой традиции, термины «язык перевода», «переводящий язык» и «принимающий язык» употребляются синонимически [Власенко 2006: 16].

³ О масштабе заимствований из английского языка в европейские языки на примере 16-ти языков см. исследование М. Гёрлаха [Görlach 2006: 163–167], «Словарь англицизмов в европейских языках» [Görlach 2001], а также обзор его работ в журнале «Babel» [Cairns 2006: 93–99].

го метаболизма, например: *IT-индустрия, HTML-формат и HTML-файл, SMS-сообщение, SMS-пакет и SMS-текст, VIP-клиенты банка и VIP-обслуживание, спра-индустрия, helpdesk-услуги, hi-tech рынок и hi-tech новинки, GPS-навигатор, flash-память, web-страница, IT-подразделения, GPRS-интернет, Hi-Fi оборудование и Hi-Fi разрешение* и т.п.

Многолетние наблюдения за русским как языком перевода в языковой паре английский–русский позволяют нам сделать вывод об устойчивом свойстве русского языка – его адаптивности [Власенко 2006, 2007в]. Под *адаптивностью* мы понимаем особое свойство уживчивости, гибкости, «восприимчивости» и приспособляемости принимающего языка к разным формам заимствований, которые он демонстрирует в условиях двуязычного или многоязычного взаимодействия (близкие мнения см.: [Касевич 2004: 64; Привалова 2005: 316–318]). Следует отметить, что в теории систем к *адаптивным, или самоприспосабливающимся*, системам принято относить такие, которые сохраняют работоспособность при непредвиденных изменениях свойств объекта (действительности) или условий среды путем смены алгоритма функционирования, т.е. способные приспособляться к изменяющимся условиям⁴. Русский язык вправе претендовать на причисление к «адаптирующимся» системам: он отвечает критериям системы, которая в процессе взаимодействия с окружающей и воздействующей на нее средой, сама способна изменять или модифицировать встроенные программы и регулировать механизмы, действуя по новому или измененному алгоритму⁵.

Примеры если не новых, то заметно «измененных алгоритмов» функционирования, подтверждающие наше мнение об адаптивности русского языка, избыточны. К ним мы относим, в частности, существование лексем-гибридов. При этом факты параллельного и одновременного сосуществования в русском языке гибридных сложносоставных лексем с заимствованной морфемой, транслитерированной в кириллицу, или с нетранслитерированной (оригинальной) английской морфемой встречаются и в общеупотребительной лексике, и в отраслевых субязыках: *хай-тек рынок* и *hi-tech рынок, спам-рассылка* и *спам-рассылка, ноу-хау новинки* и *know-how новинки, сидиromовые семинары* и *семинары на CD-ROM, хай-фай оборудование* и *Hi-Fi оборудование, спра-курорты* и *спа-курорты* и др. (Об «окказиональных словах-

⁴ На основе значений, предложенных в словарных статьях БСЭС [БСЭС 1984: 21, 1160].

⁵ На основе значения термина «адаптирующееся устройство», предложенного в: [ЛСС 1975: 17].

гибридах» рассуждает также В.С. Виноградов, см.: [Виноградов 2004, 114–136].)

При достаточно референтной прозрачности таких лексических гибридных образований, как то: *VIP-зал, VIP-инвестиции, VIP-клиенты банка, IT-дистрибьютор, IT-решения в логистике*⁶, – они образуют также производные построения, сосуществуют с ними и параллельно употребляющиеся, например: *PR-директор*⁷ и *пиар-директор, группа PR-сопровождения; классические услуги PR-агентств* и *участие пиар-агентств; IT-решения и ай-ти-решения*⁸, а также *продукция, созданная на базе IT-технологий*. Данная тенденция распространяется все более широко в отраслевых субъязыках, где гибридные построения с английской аббревиатурой или акронимом взаимозаменяются русской производной аббревиатурой или акронимом: *«Российские IT-директора смогут выслушать доклады своих коллег из ведущих компаний России и обменяться опытом с зарубежными СЮ»*⁹. В целях нашей статьи целесообразно привести еще одно высказывание В.С. Виноградова о процессе освоения заимствований, где он утверждает, что «освоение – длительный процесс, в котором участвуют многие носители языка, а создаваемая переводчиком транскрипция слова-реалии – акт единичный, – и далее заключает, – освоение нельзя рассматривать как переводческий прием. Это лексическое понятие, означающее процесс грамматической и фонетической ассимиляции заимствованного языком слова» [Виноградов 2004: 120]. В рассматриваемых примерах процесс освоения не ограничивается названными рамками, а затрагивает также синтаксический уровень.

Определение «адаптивных систем» достаточно полно вписывается в эпоху глобализма: на лицо указанные в определении «изменения объекта» языкового отражения, т.е. действительности. При этом, по-видимому, настала необходимость для самого имени «действительность» активизировать нехарактерное для него употребление множественного числа, поскольку технологические возможности создают виртуальную действительность, формы и форматы воплощения которой приумножаются пропорционально росту технологических возможностей. Как реакцию принимающего языка на изменение «среды обитания» можно расценивать популярность лексического моделирования по правилам английской синтагматики с препозицией заимствованной

⁶ Программа «В фокусе: логистическая конкуренция» на телеканале РБК от 22.10.2007.

⁷ Программа «Зарубежный бизнес» на телеканале РБК от 15.10.2007.

⁸ Программа «В фокусе: логистическая конкуренция» на телеканале РБК от 22.10.2007.

⁹ Пресс-релиз «Информационные технологии завтра» Международной конференции «СNews Forum 2007», проведенной 20 ноября 2007 г. в г. Москве.

морфемы или лексемы, например: *мейнстрим-сегмент рынка, гламур-фотографии, селебрити-культура, промоушен-акция, кросс-курс, спот-рынок, веб-страница и веб-браузер, спа-стандарты и спа-индустрия, арт-директор и арт-фестиваль, допинг-контроль и допинг-тестирование, интернет-супермаркет и интернет-ритейлер, бизнес-подготовка, бизнес-формат и бизнес-проект, гольф-индустрия, гольф-бизнес и гольф-академия* и т.п. Эти примеры, видимо, свидетельствуют о попытках русскоговорящих смоделировать новые механизмы комбинаторики «своих» и «чужих» элементов словосложения в рамках русской словообразовательной парадигмы.

Лаконизм английских лексем в части плана выражения представляется многим билингвам конструктивным для использования в качестве словообразовательной модели (об этом см., в частности, [Быкова 2003, 34–90; Гак 1979; Карасик 2004, 210–214; Привалова 2005, 279–318]). Этим во многом объясняется использование английской модели для построения лексики на кириллице, по сути являющейся транслитерированием некоторых английских акронимов или лексем и созданных на их основе гибридных словесных аранжировок. Приведем примеры: *пиар-компания, пиар-политика, форекс-торги, форекс-показатели, вип-зал, вип-обслуживание, айти-решения, стартап-стратегии, хай-фай оснащение* и т.п. Что касается самой природы лексических инноваций, представляется, что в данном явлении усматривается разновидность языковой игры, вид языкового моделирования, свидетельствующего о тенденции к изменению культурно-языковых стереотипов носителей русского языка и, как результат, перемене речевого портрета русскоязычных. Однако данный вопрос в большей степени касается русистики (см., к примеру, [Кронгауз 2008; Крысин 2008]), культурологии [Касевич 2004], этнопсихолингвистики [Красных 2003], чем собственно теории перевода.

Что касается вышеупомянутых в определении адаптивных систем *условий среды*, то, безусловно, эпоха глобализации обновила среду взаимодействия языков и культуру речевого взаимодействия¹⁰, вследствие чего на наших глазах происходит своего рода их «переналадка». На наш взгляд, подобная «переналадка» или «самореорганизация» русского языка в части лексического наполнения, преимущественно касаясь его номинативной функции, сказывается на функции обеспечения адекватного взаимодействия коммуникантов в процессе двуязычной или мно-

¹⁰ Один лишь стиль электронного письма в сочетании со стилем коротких сообщений в системе мобильной связи, так называемые «эсмэски» (от англ. аббр. *SMS – Short Message Service*), фактически нивелировали вековые традиции эпистолярного стиля как формы языкового-речевого взаимодействия коммуникантов в рамках одно- и двуязычного пространства.

гоязычной коммуникации. С точки зрения системы русского языка, примеры типа *ток-шоу, смарт-карта, кофе-хауз, кофе-брейк, тур-оператор, шоп-тур, секонд-хэнд, экшен-фильм, фэшин-уик и фэшин-продюсер, шорт-лист* и подобные им есть еще одно подтверждение измененного алгоритма языкового механизма словообразования в рамках изменившегося бытийного фона, т.е. условий среды функционирования языка.

Образование гнезд (кластеров) сложносоставных лексем по методу присоединения через дефис заимствованного элемента в препозиции к определяемой русской лексеме, по всей видимости, свидетельствует о том, что единицы «реальности глобального мира» представлены общим фреймом, компоненты которого имеют «семейный» след в виде транслитерированной лексемы в препозиции: *спа-индустрия* (от *spa industry*), *эсклюзивный спа-продукт* (от *spa product*), *спа-сервис* (от *spa service*), *спа-стандарты* (от *spa standards*), *спа-этикет* (от *spa etiquette*), *спа-курорт* или *спа-санатории* (от *spa resorts*)¹¹; *гольф-клуб, гольф-индустрия* (от *golf club, golf industry*)¹² и т.д. и т.п. В ряде случаев адаптивность не ограничивается вышеназванной препозицией английской морфемы (лексемы, акронима) по отношению к определяемой русской лексеме, а распространяется на заимствовании словообразовательной модели как механизма словосложения, например: *ДПС-слежение*¹³.

В названных и подобных гибридах обращает на себя внимание препозиция англицизма-акронима, свойственная комбинаторике английской речи, но не свойственная русской, что можно трактовать как факты «ноологизации формы» (термин И.В. Приваловой [Привалова 2005: 284–285]).

Вариативность форм транслитерированной кириллизации англицизмов многообразна. Нижеприведенные примеры говорят в пользу меняющихся алгоритмов русского словосложения и словоупотребления в части комбинаторики на синтагматическом уровне: *dress-код, дресс-код и дресскод; хай-тек технология, hi-tech технология и технология хай-тек; Интернет-провайдер, Интернет-провайдер и провайдер Интернета; flash-память и флэш-память; SMS-банкинг, мобильный банкинг, мобильное банковское обслуживание и мобильный банк*. Вместе с тем полагаем, что проиллюстрированное сосуществование в русском таких альтернативных комбинаций сложносоставных лексем

¹¹ Программа «Сфера интересов» на телеканале РБК от 09.08.2007. <sfera@rbctv.ru>

¹² Небезынтересно, что в последнем примере английских словосочетаний дефис отсутствует; он приведен в русские словосочетания для «искусственного сращивания» «своих» лексем с «чужими» компонентами.

¹³ Программа «Сегодня» на телеканале НТВ от 19.06.2008.

подтверждает уживчивость и гибкость русского языка как переводящего, а также многообразие его словообразовательного потенциала и орфографической вариативности.

Аналогичные примеры многочисленны. Так, сосуществующие формы *SMS-сообщение* (от *SMS message*), *СМС-сообщение*, *СМС*, «*эсмэска*» – не что иное, как альтернативные варианты, используемые русским языком, для означивания одного референтно-тождественного пространства. В связи с анализом адаптивности русского языка как переводящего полагаем правомерным предположить, что увеличение фактического ряда синонимов есть «расширение ассортимента» означивания, вероятно, представляющих один из устойчивых механизмов русского языка на уровне системы, «перенастраивающейся» на новые условия среды функционирования.

Представляется, что факты сосуществования в русском гибридных сложносоставных лексем вышеуказанного типа: *хай-тек рынок* и *hi-tech рынок*, *ноу-хау новинки* и *know-how новинки*, *сидириновы семинары* и *CD-ROM семинары*, *хай-фай оборудование* и *Hi-Fi оборудование* и др. можно трактовать с другой точки зрения, как снижение ригидности языковой системы русского, противопоставляющего прежнему этапу своего развития – советскому канцеляриту – новые вариативные ряды лексических инноваций.

Креативность самовыражения русскоговорящих через лексические инновационные аранжировки единиц «своего» и «чужого» языка, по нашему мнению, демонстрирует определенный психологический эффект «свободного скрещивания» как некоторое релаксирующее упреждение коммуникативного эпатажа. Русский как язык перевода долгое время находился в условиях жестко регламентированного лингвистического «сценария», предсказуемого вследствие идеологически предписанных рамок осмысления и выражения картины мира русскоговорящими. Иными словами, стремление к языковому моделированию как творческому самовыражению русскоговорящих, вероятно, может полагаться одной из причин столь заметного пласта «присосавшихся» англицизмов. Следовательно, широко употребляемые в русской речи англицизмы – символы лингвистических инноваций, выступающие маркерами изменяющихся культурно-языковых стереотипов русскоговорящих.

Присущее русскому языку как синтетическому свойство использовать большое количество аффиксов (служебных элементов), удлиняющих среднюю протяженность словоформы и менее концентрированно распределять семантические средства выражения значения/смысла выражается в образовании длинных речевых цепочек – последовательностей высказываний, которые значительно протяженнее,

чем лексические цепи в германских языках. Вместе с тем, сколь протяженными ни были бы русские речевые последовательности в сравнении с английскими при описании референтно-тождественных пространств, здравый смысл и разумное целеполагание глобализм не упразднял. В этой связи показательны следующие примеры:

- 1) **«Сникерсни в своем формате!»**¹⁴

Комментарий: для этого примера подобрать русскоязычный, а не квазирусский, эквивалент непросто – непрозрачны ни смысл, ни образные ассоциации авторов этого рекламного сообщения; возможные варианты означивания по-русски зависят от понимания коммуникативного смысла, например: **Съешь шоколадный батончик «Сникерс» так, как ты сам хочешь*; **Пробеги в кроссовках*¹⁵ и зарядись энергией от пробега; или что-то иное;

- 2) **«Спа в денежном выражении начинается с 300 евро и выше в день (помимо оплаты гостиницы, перелета и др.)»**¹⁶

Комментарий: англицизм *спа* имеет следующие варианты означивания по-русски: «курорт с минеральными водами», «лечение минеральными водами, кренотерапия»¹⁷. Лаконизм англицизма англицизма позволяет многократно «сжать» пропозицию, т. к. референтно-тождественное высказывание на русском могло бы звучать следующим образом: «Стоимость отдыха, включающего лечебно-профилактическое лечение, составляет...», или «Использование санаторно-курортной инфраструктуры во время отдыха связано с расходами, составляющими...», или «Пользование минеральными источниками во время отдыха предполагает, что в денежном отношении...»;

- 3) **«В Институте Склифосовского открылся Симуляционный центр»**¹⁸

Комментарий: Данный случай употребления заимствованного англицизма мы расцениваем как «коммуникативный крах» вследствие его неприемлемости в принимающей культуре в предложенном контексте. В английском базовое понятие *simulation* означает моделирование, имитация, имитирование, имитационное моделирова-

¹⁴ Надпись на рекламном щите, установленном на главном корпусе Российской государственной библиотеки в июле 2008 г.

¹⁵ Американская лексема *snickers* помимо значения «шоколадный батончик с начинкой из карамели, нуги из арахисового масла и дробленного арахиса» (на основе [Americana 1996]), может иметь значение *кроссовки*.

¹⁶ Рекламный проспект туристической компании с описанием предлагаемого обслуживания в зарубежных гостиницах.

¹⁷ На основе значений в: [АВВУУ 2006].

¹⁸ Программа «Вести» на телеканале РТР от 30.10.2007.

ние, моделирование посредством имитации¹⁹, следовательно, *simulator* означает моделирующее устройство, имитатор, тренажер, устройство имитационного моделирования, модель²⁰. Исходя из этого, варианты означивания англицизма *симуляционный центр* по-русски могут быть следующими: «тренажерный учебный центр для подготовки врачей», или «учебный центр профессиональной врачебной подготовки», или «учебный центр для подготовки врачей с использованием тренажера – имитационного устройства, моделирующего поведение пациентов». Данный пример в особенности показателен, поскольку здесь «коммуникативная неудача» выливается в явное «смысловое фиаско» в результате использования тележурналистом в контексте медицины лексемы «симулятор», созвучной с английской вместо «имитатор» (в данном контексте употребленную в значении «модель пациента») может иметь негативные коннотации в русском языке, породить недоверие к медицине или повысить уже существующее недоверие к качеству медицинского обслуживания в стране. Заметим, что в русском «симуляция» используется со значением *притворство для создания ложного представления о чем-либо, как преднамеренно ложное утверждение для искажения существа дел, введения в заблуждение*²¹.

В контексте наших рассуждений важно указать на возможность проверки понимания заимствованной лексемы посредством приема обратного перевода лексемы «симуляция», т.е. через варианты ее английского означивания, представленных в следующих словосочетаниях: *симуляция преступления – pretended crime, rigged crime, staged crime; симуляция несчастного случая (в преступных целях) – arranged accident, illegitimate accident, prearranged accident*²², что подтверждает коммуникационную неприемлемость англицизма в принимающей культуре. Кроме того, сопоставление разноязычных лексем в переводящем и исходном языке в целях анализа отношений коммуникативной эквивалентности между исходным текстом и текстом перевода (по З.Д. Львовской) еще раз подтвердило свою инструментальность для «реабилитации» смысла последнего примера.

Приведенные выше и многие другие примеры не могут и не должны рассматриваться как факты креативности носителей русского языка по

¹⁹ С использованием техники логического вывода на основе значений в: [АРССА 1982: 133].

²⁰ С использованием техники логического вывода на основе значений в: [АРССА 1982: 136].

²¹ На основе значений, предложенных в словарных статьях «симуляция» и «симулировать» [СРЯ: 716].

²² На основе значений, предложенных в: [АВВУУ 2006].

одной простой причине – они априорно лакунарны и для говорящего, и для слушающего. Согласно концепции З.Д. Львовской, подобные высказывания коммуникативно неприемлемы в принимающей русской культуре. Другими словами, наблюдаемый в этих примерах механический перенос заимствований в русский язык, без осмысленной «сцепки» с денотативной ситуацией не может служить целям эффективного коммуникативного взаимодействия. В этом смысле прав А.Д. Швейцер, призывавший всякий раз четко разграничивать, с какими случаями англо-русского взаимодействия мы имеем дело – с переводом или квазипереводом [Швейцер 1988: 4]. Здесь также уместно процитировать Ю.А. Сорокина, писавшего о некачественном переводе как о следствии «денотативной расфокусировки», т.е. акцентуации в тексте перевода тех признаков денотата, которые факультативны и, потому, искажают структуру денотативного пространства оригинального текста [Сорокин 2003: 76]. Крайним случаем «денотативной расфокусировки» можно считать проанализированный выше пример (3).

Фактически трудно найти сферу, в которой отсутствовали бы англицизмы: *таунхаусы* (от *townhouses*) вместо *загородные дома*; *диджестивы* (от *digestives*) вместо «аперитивы» или «острые блюда»; *эппетайзеры* (от *appetizers*) вместо «закуски» или «острые закуски для повышения аппетита»; *финализация соглашения* вместо «подготовки окончательного варианта соглашения»; *линия, продуктовая линия, линия продуктов* (от *line, product line*) вместо «номенклатура (выпускаемой) продукции» или «торговый ассортимент»; *тинейджеры* (от *teenagers*) вместо «подростки»; *билборд* вместо «рекламный щит»; *минивэн* (от *minivan*) вместо «мини-грузовик», «мини-фургон» и др. Оставаясь до конца непонятными в русскоязычном контексте, англицизмы затрудняют понимание и снижают эффективность коммуникативного взаимодействия.

С позиций переводоведения принимающие языки, обслуживающие интересы своей культуры, в нашем случае русской, фактически оказываются в роли «гостеприимных хозяев» английской номинативной традиции. При простом идентифицирующем именовании предмета, используемого в мире и отсутствующего в нашей стране, трудно не признать оправданность заимствований. Однако, заимствовать при наличии в русском языке односложного наименования неразумно не только с позиций лингвоэкологии и здравого смысла, но самое важное – с позиций идентичности русского как переводящего языка принимающей культуры. Обращает на себя внимание предпочтительность употребления англицизмов в тех случаях, для которых в русском языке существуют свои исконные способы означивания. Приведем примеры: *валид-*

ная операция²³ вместо «правомерная», «надлежаще совершенная», «юридически действительная»; **банк-эквайер кредитных карт** вместо «банк, обслуживающий торговую точку (торговое предприятие) при операциях с банковскими картами», «банк торговой точки», «банк приёмной сети» или «обслуживающий банк»; **хеджирование корпоративных рисков** вместо «страхование продукции компании от риска изменения цен», «страхование компании от потерь». Кроме того, укажем на оперативность и множественность гнездования англицизмов: так, последний из указанных терминов обрастает контекстами употребления, образуя разнообразные комбинации типа **захеджировать риски компании, захеджированный курс облигаций, преимущества хеджа** и т.п. И здесь уместно вспомнить термин А.А. Реформатского «былая чужеземность», которой он называл ассимилированные заимствования, имея в виду, что «чужеземность» со временем становится незаметной, неощущаемой в случае их укоренения в принимающем языке. Однако, представляется сомнительным, что мы вправе говорить об ассимиляции, имея в виду вышеприведенные примеры (цит. по: [Виноградов 2004: 118]).

Русские языковые средства выражения в большинстве своем несколькословные (о законе экономии речевых усилий как одном из аргументов заимствований подробнее см.: [Гак 1989; Быкова 2004: 34–90; Привалова 2005: 279–318]), вместе с тем, лаконичность англицизмов не может оправдывать частотность их употребления. Безусловно, лаконичнее лексемы **киберпреступления, киберпреступность** (от *cybercrime*), чем «преступления или преступность в сфере компьютерной информации». Однако, об обратном свидетельствуют следующие примеры: «*Движению в Европу и Штаты мешает микс политических целей и недоверия и непонимания российских компаний в зарубежных сделках*»²⁴, где **микс** (от *mix*) – «сочетание, комбинация»; «*Добыча нефти стагнирует*»²⁵, где **стагнировать** (от *stagnate*) – застаиваться, останавливаться; «*Снизить объемы продаж в Азиатский регион, где цены на продукцию достаточно волатильны*», где **волатильный** (от *volatile*) означает «неустойчивый, непостоянный, изменчивый»; «*В ближайшие несколько лет металлурги останутся значимыми ньюсмейкерами на рынке слияний и поглощений*», где **ньюсмейкеры** употреблено вместо «заметные явления; события, находящиеся в центре внимания средств массовой информации».

²³ Программа «Капитал. Банкомат: Зона риска» на телеканале РБК от 26.10.2007.

²⁴ Программа «Сфера интересов» на телеканале РБК от 02.04.2008.

²⁵ Программа «В фокусе. Нефтяная отрасль: итоги года» на телеканале РБК от 06.01.2008.

Итак, в настоящей статье была предпринята попытка показать свойство адаптивности, или самоприспособления, русского языка как переводящего языка и сохранение им работоспособности при изменениях параметров объекта, т. е. действительности. При этом в ходе анализа конструктивным оказалось понятие эквивалентной двуязычной коммуникации, разработанное З.Д. Львовской в рамках теории перевода. Приведенные примеры позволили показать, что принимающая культура независимо от адаптивности системы переводящего языка имеет много «встроенных» ограничений, выраженных в контекстной приемлемости как фрагменте принимающей культуры.

Изменения условий среды функционирования русского языка вызвали «самоналадку» определенных языковых-речевых механизмов, которую можно квалифицировать как модификацию некоторых алгоритмов функционирования путем расширения набора моделей комбинаторики на синтагматическом уровне. Модификация алгоритма коснулась лексического пласта, в частности, процессов ассимиляции заимствований-англицизмов, вхождение которых в русский сопровождается появлением нескольких вариативных моделей словообразования и комбинаторики заимствованных с исконными русскими элементами (лексемами) на синтагматическом уровне. В данном случае русский как переводящий язык отвечает на запросы глобального языкового кода, каким, по нашему убеждению, является английский.

В заключение отметим, что разделяем сбалансированное мнение В.Б. Касевича об осторожном отношении к заимствованиям и превращении родного языка в транслитерацию [Касевич 2004: 64], а также о том, что «не переходящие определенных границ процессы заимствования естественны и служат обогащению языка» [Касевич 2004: 65]. Приведенные в статье примеры показали, что русский как переводящий язык демонстрирует повышенную гибкость, уживчивость и выраженную «гостеприимность» в отношении к языковому глобальному коду, к англоязычной номинативной традиции, в ряде случаев в ущерб своей, принимающей, культуре. С другой стороны, не впадая в крайние оценки языковых предпочтений, представляется возможным трактовать адаптивность русского языка как особый потенциал креативности в контексте *глобального языкового метаболизма*. Креативность как присущее свойство русского языка далеко не исчерпывается его внутренними системными механизмами языкового моделирования, а является не исследованным до конца ресурсом столь востребованного языка перевода, каким стал в эпоху глобализации русский язык.

Л и т е р а т у р а

1. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – 124 с. ISBN 978-5-317-02619-6

2. *Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы. М., 2004.
3. *Власенко С.В.* Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь // Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский. М., 2006.
4. *Власенко С.В.* Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопросы психолингвистики / ИЯ РАН. 2007а. № 6. С. 82–90.
5. *Власенко С.В.* Англо-американские учебники как источники англизации языкового сознания русскоязычных студентов-юристов // Вопросы адаптации зарубежных учебников для преподавания иностранных языков. Матер. Межвуз. конф. М.: ДА МИД России, 2007б. С. 6–11.
6. *Власенко С.В.* Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем // Теория и практика лексикологических исследований. Вестник МГЛУ. Вып. 532. Серия «Лингвистика». М., 2007в. С. 171–183.
7. *Власенко С.В.* Что англизируется: русский язык или русское языковое сознание? (Взгляд переводчика–психолингвиста на заимствованные англицизмы с позиций профессиональной коммуникации) // Система языка и языковое мышление. М., 2008. (в печ.).
8. *Гак В.Г.* Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе // *Interferenz in der Translation.* Leipzig, 1989. P. 73–80.
9. *Гумбольдт В. фон.* Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем. М., 1985. С. 370–381.
10. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
11. *Касевич В.Б.* Язык экологии и экология языка // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М., 2004. С. 57–68.
12. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
13. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2008.
14. *Крысин Л.П.* Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков. М., 2008. С. 167–184.
15. *Львовская З.Д.* Современные проблемы перевод / Пер. с исп. М., 2008.
16. *Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. М., 2005.
17. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
18. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
19. *Cairns J., M. Görlach.* English Words Abroad // *Babel.* Netherlands: John Benjamins Publishing Company. Vol. 52, N. 1. 2006. P. 93–99.
20. *Görlach M.* Dictionary of European Anglicisms. L.: Oxford University Press, 2001.
21. *Görlach M.* English Words Abroad. Netherlands, 2003. P.163–167.

Словарные издания

22. АМЕРИКАНА: Англо-русский лингвострановедческий словарь. М., 1996.
23. АРСА: Англо-русский словарь по системному анализу / Сост. Е.В. Вышинская, др. М., 1982. – 186 с.
24. БСЭС: Большой Советский энциклопедический словарь. М., 1984.
25. ЛСС: *Кондаков Н.И.* Логический словарь–справочник. М., 1975.
26. СРЯ: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.

Электронный ресурс

27. ABBYY LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5, 2006.